

Владимир Дэс

Бюджет на всю жизнь

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс Бюджет на всю жизнь (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816259

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Бюджет на всю жизнь
2. Здравствуй милый
3. Зелёное пальто
4. Зигзаги моды
5. Мода – девушка капризная
6. Мой звёздный час
7. Момент времени
8. Побеседуем
9. Уши
10. Шишка
11. Экспонат
12. Это Дедушка Мороз Красный Нос
13. Я сажу на вишенке

Содержание

Бюджет на всю жизнь	5
Здравствуй, милый	11
Зеленое пальто	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Дэс Бюджет на всю жизнь (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бюджет на всю жизнь

Не знаю, как вы, я же, когда слышу слово «Канцелярия», вздрагиваю.

В моем воображении возникает что-то чудовищно большое, абсолютно непонятное и в то же время правильное, вечное и незыблемое.

Канцелярия представляется моему разуму постоянно закрытым помещением, набитым столами, бумагами, скрепками и клерками – существами тихими, маленькими, но въедливыми, – и абсолютно похожими друг на друга профессиональным лицемерием и порочностью.

Там, внутри этих закрытых помещений, зачастую творятся такие дела, происходят такие события, о которых сам Господь Бог помыслить не может, а уж простой смертный даже представить не в силах.

Вот, например, вчера, в среду, рабочий день в святая святых, в самой Небесной Канцелярии начался со скандала.

В управлении бюджетами человеческих душ, оказывается, уже довольно длительное время отсутствовал один из клерков – Ангел аж 4-го разряда.

Загулял, подлец.

Как-то по весне самовольно улетел на Землю, там превратился в мотылька и закружил-запорхал в утренних зорях со своими легкомысленными подружками.

Само по себе такое событие внутри Небесной Канцелярии не считалось большим грехом. Многие ангелы, да и не только ангелы, а и кое-кто повыше позволяли себе такие шалости – превращались в различную земную живность, посещая планету в свои выходные дни.

И в этом случае все могло бы обойтись тихо и мирно – в своих стенах. Ну, нагулялся бы – прилетел. Ну, поворчал бы начальник немного. Ну, потрепали бы прогульщику нервы, позубоскалили бы над его простотой, послушали бы его мотыльковые байки, и на этом бы все закончилось – не беспокоить же самого Господа из-за такой мелочи.

Но на этот раз все пошло не так, как всегда.

Какой-то клерк из отдела человеческих смертей пересердствовал и начал слать в финансовое управление запрос за запросом по поводу перерасхода жизненного бюджета гражданина Веревкина Евгения Семеновича – бюджет, мол, все, закрыт, а где же душа? – нет веревкинской души!

А душу-то Веревкина вел как раз тот самый загульщик. Отправь он вовремя ответ, пусть даже самого нелепого содержания, и все бы успокоились.

Но ответа нет и нет.

Запрос есть, а ответа нет.

Клерк из отдела смертей аж позеленел от злости. Накрутил своего шефа: игнорируют нас в управлении жизненных бюджетов, плюют на наши запросы – обидно!

Шеф смертей связался с шефом бюджетов. Тот ему что-

то там туманное завернул, в том смысле, что каков запрос – таков ответ.

– Ага, хорошо, – решили обиженные, – раз так... – И хлоп докладную Самому. – Так, мол, и так – душа пропала.

В бюджетном управлении была назначена документальная ревизия.

И вот тут-то разразился скандал.

Выяснилось, что бюджет, отпущенный на жизнь жителю Земли гражданину Веревкину, перерасходован в 333 раза.

Бюджет жизни израсходован, а Веревкин жив.

Возникли вопросы:

Кто виноват в этом безобразии?

Как такое могло получиться?

Что теперь делать с Веревкиным?

Бюджеты, выделяемые Господом каждой душе при ее заселении в то или иное человеческое тело, считались статьями строгой отчетности. Никакие изменения не допускались. А если и допускались, то лишь в самых исключительных случаях, под контролем и по личному распоряжению Господа.

Стали разбираться.

А Ангел 4-го разряда знай себе порхал да порхал с мотыльками, и даже с помощью божественного провидения его никак не могли найти среди бесконечного множества ежесекундно нарождающихся и ежесекундно исчезающих бабочек-однодневок.

С первых минут стало ясно, что без героя скандала, в зада-

чу коего входил всего лишь контроль за расходом жизненного бюджета Веревкина, здесь не обошлось.

Вначале никак не могли понять, как он сумел безо всяких согласований изменить божественную волю.

В отделе вселения душ проверили карточку Веревкина с утвержденным жизненным бюджетом его души. Так себе бюджет, средненький.

Посмотрели детство.

В детстве расходная часть вполне соответствовала доходной, распределенной по годам роста. За исключением пустяков: лишней порции мороженого, криком выпрошенного у сердобольной мамы, разбитого из рогатки окна в кабинете директора школы да шапки, потерянной после первой дегустиации алкоголя.

В юные годы наметилась тенденция к резкому снижению доходной части веревкинского бюджета. Игра в карты, мелкое воровство у друзей и родственников, а также непомерные сексуальные запросы на самой заре жизни пробили заметную брешь уже в расходной части бюджета.

К тридцати двум годам доходные и расходные части катастрофическими прыжками приближались к абсолютному нулю.

Веревкин уже давно только потреблял, ничего не давая взамен.

Делал одни гадости: врал, сидел, пил, убивал и ненавидел весь мир.

Так что жить ему оставалось несколько минут.

Клерки в отделе смертей Небесной Канцелярии уже потирали руки в ожидании премии.

Но тут Веревкин Евгений Семенович, который шел по улице к магазину, чтобы купить последнюю в своей жизни бутылку, столкнулся на перекрестке с господином Березкиным Евгением Ивановичем – преуспевающим и удачливым своим ровесником.

Столкнулись они, а Ангел 4-го разряда в тот самый момент и проморгнул, очевидно, замечтавшись о своих легкомысленных прогулках на зорьке.

Березкин извинился, Веревкин выматерился, и они разошлись.

Но не просто разошлись, а разошлись с перепутанными беспечным ангелом бюджетами.

А через несколько секунд на голову господина Березкина, а не на голову гражданина Веревкина, как полагалось бы, упал кирпич, неожиданно вывалившийся из фронтона старинного дома.

И господин Березкин умер. А гражданин Веревкин продолжил свой путь к магазину. Там, купив бутылку какого-то импортного вина, он неожиданно выиграл приз как миллионный покупатель именно этой марки хереса.

И не какую-то там дешевую мягкую игрушку, а огромную сумму в стабильной валюте.

С нечаянной радости и в свете радужных перспектив он

так напился, что – уже как состоятельный человек – попал в дорогую частную клинику для богатых алкоголиков.

Там его долго лечили и вылечили до абсолютной трезвости.

И пошло.

С чужим, еще не растраченным бюджетом, он стал творить чудеса в мире бизнеса и политики, удивляя всех своим неожиданным перевоплощением.

Но чужое, оно и есть чужое.

Отдел смертей затребовал немедленного переселения заблудшей души из веревкинского тела к ним, в чистилище.

Управление финансов скромно молчало – мы, мол, как все.

А кто-то предложил постричь Веревкина в монахи или сделать отшельником.

Господь посмотрел, послушал и... налил.

Налил уже давно не пьющему Веревкину фужер вина.

И тот неожиданно для всех выпил. Выпил... и умер.

Рожденному с одним бюджетом не суждено владеть иным.

Здравствуй, милый

Друзей, как и родственников, не выбирают. Ими становятся.

Мой друг Борис – полный, добрый и подвижный человек – был женат на замечательной маленькой тихой брюнетке, которую страстно любил. И вместе с тем, имея двоих детей, он при любом удобном случае изменял своей жене. Это как болезнь. И не важно, узнавала ли тихая супруга о его похождениях или нет, Борис после каждого случая измены страдал по-страшному. Приходил ко мне и мучил меня своими покаяниями. Его стенания напоминали бред со страшного похмелья.

– Какой я идиот! Зачем мне это было надо? Больше никогда и ни за что, ничем и ни с кем!

Но проходило какое-то время, и все опять повторялось: измена, покаяние, клятвы. И снова страдали все: и он, и жена, и друг.

Жене он, конечно, не рассказывал о своих похождениях и не каялся, как мне, но по его виду и так было все ясно. Дома он ходил сам не свой.

Все так привыкли к этому ритму, что уже подсознательно решили, что это будет продолжаться всю жизнь. Ну, болен человек. Что теперь делать? Абсолютно здоровых людей нет вообще. Каждый чем-то болен. Борис, например, забо-

лел именно «этой» болезнью.

Но не все, оказывается, так думали.

Как-то вдруг совсем неожиданно я заметил очень странные изменения в поведении моего друга.

Во-первых, он перестал ходить ко мне с покаяниями о своих изменах. Напрашивались два предположения: либо он перестал изменять своей жене, либо теперь постоянно попадает и кается уже только перед своей женой, и поэтому покаяния у меня перестали быть необходимыми.

Во-вторых, у него появилась новая привычка. Приходя ко мне, Борис, буркнув под нос «Здрасте», сразу начинал открывать все двери, что были в моей квартире. Особенно его интересовали шифоньеры и встроенные шкафы.

Во время открывания дверей лицо его становилось сосредоточенным, в глазах появлялось выражение страха, и он начинал как бы трястись изнутри.

Мне были очень интересны причины этих его физиологических изменений, но так как сам он ничего не объяснял, я тактично пытался вывести у него, в чем дело.

Мой друг долго отмалчивался, увиливал от разговора, резко меняя тему, или под каким-либо предлогом просто прощался и уходил из моего дома.

Но вот как-то вечером, видимо поняв, что я уже не только сержусь, но и начинаю поглядывать на него как на человека слегка не в себе, Борис попросил налить ему рюмку коньяка и после того, как выпил, рассказал мне настолько странную

и неожиданную историю, произошедшую с ним месяц назад, что я, абсолютно непьющий человек, тоже выпил рюмку коньяка.

А случилось у него вот что.

Его жена в пятницу повезла своих малышек на выходные к теще. Борис проводил семью на вокзал, посадил на поезд, поцеловал жену, ребятишек, помахал им ручкой и бегом бросился домой, крича: «Свобода! Свобода!»

Люди оглядывались, а он все бежал и кричал.

Заскочив в телефон-автомат, быстро набрал номер телефона своего верного по похождениям приятеля.

– Серега, привет! Что? Привет, говорю. Моя уехала отвозить детей к теще, вернется в понедельник. Давай дуй ко мне, Я сейчас слетаю в магазин, куплю чего-нибудь и буду дома. Что? Откуда звоню? С вокзала, конечно. Ну, давай.

Через час товарищи уже сидели дома у Бориса и крутили диск телефона, вызванивая своих знакомых подружек. Каждый в руках держал по записной книжке с длинным списком женских имен. Но им обоим не везло. Либо телефон не отвечал, либо дома никого не было, так что решили пока прошвырнуться по Покровке – центральной улице, – может, там что обрыбится. Но там были одни малолетки, которые шарались от друзей, как от трухлявых пней в лесу, при этом называя их «дедушками».

С горя друзья попили пивка и, продвигаясь домой к Борису, стали строить планы на вечер.

По пути зашли в магазин. Купили две бутылки шампанского и три водки, колечко краковской колбасы и пару шоколадок.

Придя домой, снова засели за телефон.

И опять им катастрофически не везло. Правда, в этот раз немного по-другому: все подружки были дома, но либо болели, либо были заняты. Но друзья пока не горевали – выпивали, закусывали, рассказывали друг другу байки о своих «великих победах».

– А вот с этой, которой только что звонил, я три дня «зажигал», не спал ни одной минуты. Она бы приехала, но понимаешь... Болеет, выглядит неважно. Не хочет позориться.

– А я с той, которая сказала, что уезжает на похороны бабушки, так «зажигал», что она взмолилась: «Дай передохнуть».

– А я вот с той, которая завтра...

– А я вот с...

– А я...

Так никого и не вызволив, они, изрядно выпив, уснули на диване одни.

Утром пошли похмелиться пивком. В кафе, несмотря на ранний час, было уже шумно и многолюдно. Подсели к двум симпатичным девушкам – они тоже пили пиво. Слово за слово, предложили им прогуляться до Бориной хаты. Девочки не возражали, но попросили деньги вперед. На эту нетактичную просьбу Борис с другом обиделись.

Может, они бы и не обиделись, если бы у них двести долларов было.

Обиженные, вернулись к своему пока еще любимому телефону, к своим пока; еще нужным записным книжкам, к своим пока еще живым надеждам.

Но судьба решила: раз уж смеяться, так уж смеяться до конца, и их двухчасовые переговоры с прекрасной половиной человечества опять ни к чему не привели.

День шел к концу, а результата не было.

Перемежая звонки рассказами о своих подвигах, со временем они заметили, что их истории стали повторяться, а потом и вовсе перепутались так, что уже было не понятно, кто же из них когда и с кем был, настолько их истории стали похожи одна на другую.

Стемнело.

Решили прошвырнуться по местной улочке. В центр что-то уже не тянуло. Но и этот поход по закоулкам результата не дал, кроме разве что привязавшейся к ним бомжихи, которая предлагала за стакан портвейна показать «райское наслаждение любви».

Сергей тут же послал ее куда подальше, но Борис, одурманенный «райским наслаждением» и коктейлем из пива, шампанского и водки, хотел уточнить, что же это такое – «райское наслаждение любви». Он пообещал, что нальет стакан, но сначала она должна хотя бы намекнуть, что его ждет.

Женщина, почувствовав, что на нее клонули, повела Бо-

риса на крышу пятиэтажной «хрущевки». Когда они залезли туда, она указала на лохмотья за трубой и произнесла:

– Вот мой рай. И здесь, глядя на звезды, ты получишь кусочек «райского наслаждения».

– Да??? – удивился Борис и, дав ей пинка, спустился вниз.

– Ну что, побывал в раю? – спросил его Сергей.

– Да. Ты знаешь, там, оказывается, была ее подружка, вполне приличная и молодая девка.

– Да ты что? – подпрыгнул приятель.

– И что?

– Ничего. Я в порядке.

– Я тоже хочу, – и Серега рванул на крышу.

– Стой! – тормознул его Борис. – Я пошутил.

Дома, сделав для приличия пару звонков, они легли спать. Правда, перед этим традиционно рассказали друг другу, как их любят женщины.

Утром у Бориса неприятно защемило сердце: до приезда жены остался один последний день. Друзья даже похмеляться не пошли – допили то что было и решили разойтись.

Не глядя друг другу в глаза, попрощались, вяло пожав руки.

Борис захлопнул дверь и решил навести порядок в квартире. Прошел на кухню. Там полная пепельница окурков, гора грязной посуды, куча пустых бутылок.

Только открыл воду, как в дверь позвонили:

«Кто это еще?», – удивился Борис.

Не спрашивая, зло открыл дверь.

На пороге стоял только что ушедший от него друг, сияющий как юбилейная медаль, и торжественно обнимал двух шикарно-красивых блондинок.

– Вот, смотри, что я принес, то есть привел.

Обалдевший Борис пропустил всю троицу в квартиру.

Девушки прошли в зал.

– Где ты их откопал? – зашептал Борис.

– Не поверишь. Просто чудо какое-то. Выхожу я от тебя, только завернул за угол, а мне навстречу они. Вера с Люсей. Я с ними месяца два назад у приятеля на свадьбе познакомился. Так мы с ними там «зажгли». Только телефоны я у них тогда не взял. А тут как снег на голову. Я им: «Девчонки, у меня друг один в квартире от тоски умирает». А они переглянулись и говорят: «Нам как раз делать нечего. Пойдем лечить твоего друга».

– Дай я тебя расцелую, – закричал Борис и от избытка чувств прижал к своей груди товарища.

Работа закипела.

Девушкам предложили присесть на диван.

Вновь накрыли на стол, включили музыку. Достали из за-начки нетронутую бутылку шампанского.

Девчонки выпили, закусили конфетами, разговорились. Стало весело и шумно.

Разбившись по парам, перешли к танцам. Перед этим за-

шторили окна, создав интим.

И в тот момент, когда Борис сообщил другой танцующей парочке, что они с Верой решили посмотреть мебель в соседней комнате, при этом попросив не мешать их осмотру, со скрипом открылась дверка шифоньера и оттуда вышла женщина.

Все замерли. Даже музыка, казалось, стала тише.

Женщина, как привидение, в полумраке подошла к окну, резко распахнула шторы и, обернувшись к застывшим парам, громко сказала:

– Здравствуй, милый!

Борис затряс головой, еще шире открыл глаза и упал в обморок.

У окна стояла его жена.

Когда он пришел в себя, дома было уже все тихо и спокойно. Он лежал на диване, закутанный в одеяло, голова была накрыта мокрым полотенцем.

Жена деловито прибирала комнату. Увидев, что муж открыл глаза, она подошла к нему, поправила подушку под головой и сказала:

– Лежи спокойно, милый. У тебя были такие трудные дни. Тебе сейчас нельзя волноваться.

Борис опять потерял сознание.

Это уже потом она рассказала ему, как она, заранее договорившись с родственницей, передала ей в поезде детей, чтобы та отвезла их к бабушке, а сама сошла на ближайшей

станции, где наняла машину и приехала к своему родному дому. Она заняла позицию наблюдателя у подъезда соседнего дома и, когда Борис с приятелем пошли прогуляться по бродвею, быстро и незаметно проникла в квартиру, спрятавшись в шифоньер и трое суток просидела там, слушая пространные истории о любовных похождениях своего мужа и его товарища.

В те моменты, когда они уходили из дома, она спешила в ванную умываться, кушала и отдыхала от душного шифоньера.

Она узнала многое. И Борис понял, что вся его тайная жизнь с именами, адресами, явками и телефонами теперь в памяти этой хрупкой женщины.

Это был удар, от которого Борис едва оправился.

А оправившись, навсегда избавился от своей прошлой «болезни» изменять своей жене, хотя приобрел новую – маниакальную привычку по открыванию дверей, в основном шкафов и шифоньеров, в любом помещении, куда приходил сам или куда его; приводили.

И если раньше с виду он был вполне нормальным человеком, то теперь, приобретя новый недуг, стал человеком со странностями. А это не всегда приятно не только ему, но и близким.

Поэтому теперь и не знаем, что лучше: прошлая его болезнь или сегодняшняя. Да и, вообще, непонятно, по-честному, болен он был раньше или больным стал сейчас.

Зеленое пальто

Когда я слышу утверждение, что все мы родились из гоголевской шинели, мне становится жаль себя. Я-то точно родился не из шинели, а из маминого зеленого пальто.

Поэтому я, значит, не как все.

Или все не как я.

Или все же не все мы родились из гоголевской шинели. А кто-то, как и я, родился из маминого зеленого пальто.

Господь Бог определил мне семью, где отец пил каждый день, а мама изводила себя зарабатыванием денег на пропитание нашего святого семейства, обшивая соседей, знакомых, полужнакомых и подруг знакомых.

В семейство входили одни женщины: мама, две мои сестры – старшая и младшая и парализованная бабушка, которая была такая старая и так долго лежала без движения, что никто не помнил, чья она родственница, мамина или папина.

Про отца я точно не мог сказать кто он, мужчина или женщина. Так как в баню я ходил с мамой. Отец вообще не мылся и даже не умывался. К тому же он сам утверждал, когда гонял маму из угла в угол, что не имеет никакого отношения к рождению детей.

Вот так мы и жили весело и дружно в небольшой комнате двенадцати метров и с кухней размером с небольшой холо-

дильник.

Правда, холодильника у нас не было. Просто он был нам не нужен. Мы успевали съесть все, что готовилось и покупалось раньше, чем все это успевало испортиться. Отец же с похмелья выпивал и помой.

Так что нам и мусоропровод был не нужен. Его, правда, и не было в нашем одноэтажном доме.

Это на счет еды.

А одежду мы носили по очереди.

До школы мои сверстники вообще не подозревали, что я мальчик, потому что я с пеленок носил обноски своей старшей сестры, что меня вполне устраивало, так как благодаря этому, я свободно ходил в женские туалеты, чем полностью удовлетворял свои детские мужские потребности.

Когда я пошел в первый класс, мне мама из бабушкиных трусов сшила первые брюки, которые с большим удовольствием донашивала моя младшая сестра. Кстати, она пользовалась не только моими обносками, но и моим опытом в посещении туалетов, только уже мужских.

И, наконец, в пятом классе к зиме у меня появилось пальто. Появилось оно не оттого, что кто-то заметил, что я мерзну зимой. Отцу вообще всегда было жарко. А мама не выходила из дома. Шила и шила дни и ночи напролет. И, как мне казалось, она даже не знала что на улице. Зима или лето? И все же, когда я пятый раз переболел воспалением легких, то тетя врач сказала, что без теплого пальто следующую зиму

я не переживу.

Мама сжалилась надо мной и достала из сундука свое девичье зеленое пальто, щедро пересыпанное дустом. «Его она берегла в приданое моей старшей сестре». Села за швейную машинку и, горько плача над нереализованным приданым, за ночь сшила мне зимнее зеленое пальто.

Мама плакала скорее не из-за того, что ей было жалко это пальто для меня, а скорее из-за того, что поняла наверняка, что старшей ее дочери никогда не выйти замуж – она была круглой идиоткой. В свои семнадцать лет она считала, что дети – это наказание божье, а мужчины вообще все рождаются сразу пьяными. К тому же, после того как отец, перепутав ее с мамой, несколько раз припечатал сестру к стене, она посчитала, что замужество – это не самая светлая страница в жизни женщин.

Из-за этого сначала она боялась говорить с мальчиками, затем с юношами, а когда надо было говорить уже с мужчинами, она и говорить-то совсем разучилась, только испуганно смотрела, как двуногие существа в штанах появляются и исчезают в поле ее зрения. Поэтому она тоже не возражала против перешивания ее приданого.

Утром перед школой я это пальто одел.

Было оно ядовито-зеленого цвета. Почти как лицо отца с тяжелого утреннего похмелья.

Мой выход в зеленом пальто произвело фурор среди моих

ребят-соратников. Я был ярким пятном, полыхающим зеленью на белом снегу.

Все сразу вспомнили мое девичье детство.

И в этот день я узнал много нового о моих половых страстях, выраженных через мою одежду. Но даже выбитые зубы сверстников не-сделали мое пальто другого цвета. Оно осталось все таким же ядовито-зеленым.

Я был, наверное, единственным юношей во всем нашем городе, имеющим пальто такого цвета.

Когда кулаки мои покрылись сплошными шрамами, а зубы моих сверстников кучами валялись по закоулкам, я понял, что причина моей травли не в них, а в моем пальто.

И даже не в пальто, а в маме, которая его сшила.

Или даже не в маме, а в сестре, которая не смогла выйти замуж.

Или в отце, который пил чаще, чем дышал.

Или во мне, который родился не вовремя и не там. Наверное должна была родиться девочка, которая и носила бы это зеленое пальто по праву. Но ошибочно родился я.

Моя же младшая сестренка, в силу того, что донашивала одежду за мной, была больше похожа на мальчишку. Правда, только в одежде.

Но и она с завистью смотрела на мое зеленое пальто мечтая поносить его. Это было видно по ее рисункам, где она рисовала себя только в зеленом пальто. Я даже испугался за свою жизнь, как бы она не прирезала меня ночью папиной

опасной бритвой, которой днем точила свои цветные карандаши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.